

самодовлеющей деформации он постепенно и явно охладевает. Может быть, применительно к стихам «Что ни страница...» — стихам, насквозь проникнутым лирической мыслью, легче видеть то грустно-веселое направление «домой!» (как сказано в специальном по соответствию названию и одному из лучших стихов), где самая мерность коротких простых предложений, завершаемых прозаической точкой, предрасполагает к серьезности большей, чем это могут подсказать случай и тема.

Оттого и задумчивая затуманенность тона, и лирически доверительное приоткрытие собственной бесприютности, и неутрачиваемое стремление к устойчивому счастью присущи — пусть в трудно уловимом намеке, в оттенке настроения — даже стихам для детей. Маяковский последних лет создает образцы того, как можно противостоять фальши в произведениях для самых восприимчивых людей — детей.

Характерной движущей силой является Маяковского последнего периода, новой, отличной от прошлого, являясь *центростремительные* начала, даже прямо сдерживающие, которые покоряют необузданное своеволие прежней экспрессионистской стихии. Революционность от этого, понятно, не слабеет, и масштабность не умалется, не сокращается. Таким началом среди других оказывается пафосно-ироническая интонация, о которой уже упоминалось.

Это сложное образование, производное от более зрелого миропонимания и по-прежнему основанное на непоколебимой вере поэта в счастливую новизну коммунистического будущего. Поэтому обе стороны такого образования неравнозначны. Утверждающий пафос — ведущий и главный. Ирония — средство самоконтроля, выравнивания мысли и форм образа. Особенность стиля — в постоянном наглядном воплощении этого средства. Маяковский верен себе: он и здесь показывает, «как делать стихи».

То, что названо сдерживающим началом, лишь приблизительно упорядочивает строй мысли и речи. Отсюда рождается особая «маяковская» элегическая интонация, которой по силам охватить «души и моря глубь», как сказано в стихотворении «Домой!».

Маяковский закончил стихотворную поэму «Пятый Интернационал» — о будущем — прозой: «Самое интересное, конечно, начинается отсюда. Едва ли кто-нибудь из вас точно знает события конца ХХI века. А я знаю» (4, 134). Маяковский мог, конечно, сказать о том же стихами. Он знает не только «силу слов», он очень доверяет своему стиху. Но здесь он, как явно видно, очень спешит — настолько, что не ждет эффектных результатов всегда мобилизованной способности стихотворца. Сейчас главное для него — скорее сказать, что он «точно знает», заверить всех в этом. Именно всех, и тех в том числе, кто по разным причинам не воспринимает или (втайне воспринимая) публично не приемлет его поэзию.

Уверенность в знании будущего у Маяковского подлинная. В этом особая суггестивность лирического утверждения Маяковским идеального человека коммунизма, сколь бы отвлеченными и незащищенными в этой своей отвлеченности ни были подчас *образные* воплощения такого идеала. Обнаженность претворения идеала словно притягивает тех, кто и сочувствует, но несогласен: Маяковского толкует молодая М. Цветаева. Речь идет о собственно стилевых принципах. Помянуты правильные «формулы» поэта, однозначные («черное и белое. Да, нет», «Явнопись, почти пропись», «прямосказание»), на которых поэту, однако, недолго и сорваться («ошибиться — значит разбиться»). Это не ново, но: «Все творчество Маяковского — балансировка между великим и прописным...», при которой главенствует «общее место, доведенное до величия»⁶. Если отвлечься от резкости, столь частой во взаимоотношениях поэтов-современников, то в этом суждении есть нечто близкое к сути стилевой особенности Маяковского.

⁶ «Литературная Грузия», 1967, № 9, с. 61.